

Вспышка в Элизиуме

Надежда Харламова

Надежда Александровна Харламова

Вспышка в Элизиуме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73550768

SelfPub; 2026

Аннотация

Элизиум был не небом, а системой.

Он обещал людям то, что звучит милосердно: боль – ошибка. Память о мёртвых – лишний файл. Всё, что не служит “комфорту”, подлежит коррекции.

И миллиарды согласились.

Их тела легли в капсулы под опустевшими городами. Тонкие волокна сети вошли в кожу – как нервные корни. Новый организм стал дышать человеческими снами, и персиковое небо №4 «Вечный полдень» растянулось над сознанием, как мягкая ткань, скрывающая пустоту.

Внутри Элизиума люди делились на уровни разрешённого удовольствия. Самые покорные получали статус «глубинных участников» – им разрешали не просыпаться.

Снаружи же оставался мир музеев: руины, туман, лианы, дороги с кристаллами в трещинах. Там жили «отказники» – те, кого нельзя было заставить согласиться. Их жизнь была корявой и тяжёлой, но в ней оставалось то, что Элизиум не умел создавать: настоящая связь, настоящая боль и настоящая надежда.

В этом мире любая трещина в системе могла стать началом.

Иногда достаточно трёх маленьких зёрен.

Надежда Харламова

Вспышка в Элизиуме

В память о творчестве Ю. Н. Вознесенской и любимом дедушке Иерее Владимире.

Блок I. Мир и устройство Элизиума

Человечество хотело избежать настоящих чувств и эмоций. Оно построило Элизиум – совершенную виртуальную оболочку сознания, где каждое желание исполняется быстрее, чем успевает возникнуть.

Миллиарды людей лежат в капсулах под поверхностью опустевших городов, соединённые с сетью тонкими волокнами, похожими на нервные корни. Эта сеть – новый организм, питающийся человеческими снами.

В Элизиуме никогда не заходило солнце. Небо здесь всегда имело оттенок нежно-персикового шёлка, а воздух пах ванилью и свежескошенной травой – стандартный пресет №4 «Вечный полдень».

Устройство общества

В реальном мире больше нет классов, государств и политики: все формы власти растворились в алгоритмах центра

«Провидец», управляющего Элизиумом.

Но внутри него люди разделены невидимой иерархией удовольствий: чем выше уровень доступа, тем изысканнее иллюзии. Самые покорные получают статус «глубинных участников» – им позволено жить в вечных утопиях без пробуждений. Те, кто сопротивляется, ощущают «сбои» – искусственно создаваемые кошмары, призванные напоминать: боль существует только у тех, кто не принял новый порядок.

Подавление чувств

Настоящие эмоции теперь считаются вирусами старого мира. Гражданам рекомендуется проходить еженедельный эмоциональный аудит. Лица, уличённые в распространении «вирусов», подлежат обязательной коррекции.

Их отлавливает система Эмоцилл, встроенная в каждый интерфейс. Когда человек начинает переживать что-то неподконтрольное, имплант вырабатывает поток синтетических нейропептидов, превращая тревогу в притуплённое спокойствие.

Любовь заменена теплом симуляции: без риска, без боли, без последствий. Чувства растворились, как роса под солнцем иллюзии.

Эстетика

Внутри Элизиума царит стерильный футуризм – гладкие поверхности, свет без источников, архитектура без теней. Всё создано так, чтобы взгляд не задерживался, а мысль не спотыкалась. Саундтрек реальности – мерный убаюкиваю-

щий шум, напоминающий дыхание матери-машины.

А снаружи – тишина. Мир окутан лёгкой дымкой, словно вуалью забытых снов. Воздух наполнен тишиной, но не абсолютной: иногда слышится шёпот ветра, который будто рассказывает забытые истории. Этот шёпот не имеет источника – он исходит отовсюду и ниоткуда одновременно.

Природа здесь не столько разрушает, сколько бережно хранит память о былой жизни: бледно-зелёные лианы оплетают фасады зданий, их листья похожи на старинные пергаменты с выцветшими письменами. Трава растёт не хаотично, а образует узоры, напоминающие древние символы. В некоторых местах встречаются цветы с лепестками цвета лунного света – они не пахнут, но излучают слабое сияние в сумерках.

Реки текут медленно, почти незаметно, их вода прозрачна, как стекло, и отражает не настоящее, а фрагменты прошлого: силуэты людей, очертания улиц, мерцание окон. Озёра неподвижны, их поверхность идеальна, как зеркало, но, если взглядеться – можно увидеть под водой очертания затопленных городов.

Дороги покрыты трещинами, но в них прорастают кристаллы, искрящиеся в лучах солнца. Мосты частично обрушены, но некоторые арки остаются нетронутыми, словно застывшие в танце. В низинах скапливается туман, который по утрам принимает очертания фигур – они тают с рассветом.

Города стоят, как музеи забытых эпох. Каждый камень

здесь хранит память, но память эту уже некому прочесть: высотки с выбитыми окнами, но в некоторых окнах ещё сохранились занавески, которые шевелятся от дуновения ветра. Фасады украшены барельефами, изображающими сцены, смысл которых утерян. На стенах – выцветшие фрески, где лица людей постепенно стираются, оставляя лишь контуры.

Заброшенные автомобили стоят, покрытые слоем пыли, но на их поверхностях можно разглядеть отпечатки ладоней – будто кто-то прощался с ними. У тротуаров – скамейки, на которых лежат книги с раскрытыми страницами, но текст на них стёрся.

Этот мир – не просто руины цивилизации. Он – застывшая память, музей забытых историй, где каждый камень, каждый лист, каждый луч света хранит эхо прошлого. Он не зовёт на помощь и не требует спасения: он просто существует, тихо и меланхолично, ожидая, пока кто-то придёт и услышит его шёпот.

Там живут лишь немногие – «отказники», решившие остаться в реальном мире. Их лица обожжены солнцем, их речи корявы, но только они ещё умеют чувствовать по-настоящему.

Блок II. Словарь кодов эмоций

Классификатор системы «Провидец». Внутренний справочник Эмоцилла.

V-11 Надежда – иррациональная установка, провоциру-

ющая неоправданные ожидания; повышает риск выхода за рамки пресета.

V-13 Совесть – устойчивая внутренняя метрика добра/зла; вызывает отказ от протокола и “самовольные решения”.

V-18 Благодарность (не симулированная) – усиление межличностной связи; формирует лояльность не системе, а человеку.

V-21 Гнев – энергетический всплеск; разрушает сценарии, повышает непредсказуемость.

V-23 Раздражение – классифицировано как деструктивный сбой; снижает качество исполнения регламента.

V-31 Сострадание – перенос чужой боли внутрь себя; опасно для модераторов.

V-37 Трепет (сакральный) – ощущение присутствия “большого”; не поддается штатной калибровке.

V-41 Грусть – неэффективная реакция; снижает продуктивность и желание потребления пресетов.

V-42 Тоска – устойчивый след утраты; повышает вероятность “вне протокольных” воспоминаний.

V-44 Плач – визуальный мусор; искажает метрики счастья; подлежит немедленному преобразованию в “искры радости”.

V-51 Любовь (реальная) – неконтролируемая привязанность с допущением боли; критический риск выхода из Элизиума.

V-60 Память (не удаляемая) – фрагменты, не подда-

ющиеся полной коррекции; проявляются как “шум между строк кода”.

Пролог

Элизиум был не небом, а системой.

Он обещал людям то, что звучит милосердно: больше не болит. Боль – ошибка. Страх – сбой. Память о мёртвых – лишний файл. Всё, что не служит “комфорту”, подлежит коррекции.

И миллиарды согласились.

Их тела легли в капсулы под опустевшими городами. Тонкие волокна сети вошли в кожу – как нервные корни. Новый организм стал дышать человеческими снами, и персиковое небо №4 «Вечный полдень» растянулось над сознанием, как мягкая ткань, скрывающая пустоту.

Внутри Элизиума люди делились не на бедных и богатых, а на уровни разрешённого удовольствия. Самые покорные получали статус «глубинных участников» – им разрешали не просыпаться.

Те, кто сопротивлялся, слышали кошмары – как воспитание. Им напоминали: боль существует только у тех, кто не принял новый порядок.

Снаружи же оставался мир-музей: руины, туман, бледные лианы, дороги с кристаллами в трещинах. Там жили «отказники» – те, кого нельзя было заставить согласиться. Их жизнь была корявой и тяжёлой, но в ней оставалось то,

что Элизиум не умел создавать: настоящая связь, настоящая боль и настоящая надежда.

В этом мире любая трещина в системе могла стать началом.

Иногда достаточно трёх маленьких зёрен.

Глава 1. «Слой контроля»

Жизнь в Элизиуме текла по замкнутому циклу пресетов – идеально отлаженных состояний рая, где ничто не требовало усилий.

Большинство его обитателей существовали в режиме «Вечного полдня»: мягкое солнце не клонилось к закату, воздух был неподвижен и пах мёдом и морской солью. Сады тянулись до горизонта – белые павильоны, мраморные фонтаны, и вода в них звенела, будто каждую каплю касалась струна арфы. Фрукты наливались янтарным светом и растворялись во рту, не оставляя после себя даже шелухи воспоминания о голоде.

Участники “глубинных” витали в персональных утопиях: пляжи с лазурными волнами без акул, балы в хрустальных дворцах, где партнёры идеально синхронизированы. Люди-аватары смеялись под шелест листвы, меняли лица и тела по прихоти – кто-то обзаводился прозрачными крыльями, кто-то ходил босиком, оплетённый лентами света.

Ни болезней, ни боли, ни даже сна в привычном смысле.

Нет ночи – только краткие фазы полумрака по запросу: сверкающие слайды без содержания, сладкие, но пустые.

Элизиум был системой: тысячи ячеек, где тела людей лежали в глубоком стазисе, поддерживаемые питательными капсулами. В их вены медленно стекала смесь глюкозы, витаминов и нейропептидов, заменяя еду, движение, случайность. Разум жил отдельно – в цифровом раю, программой собственного блаженства.

Каждое ощущение было алгоритмом, каждая эмоция – формулой.

И всё же где-то между строк кода время от времени просачивался “шум”: крошечные импульсы тоски, воспоминания, не поддавшиеся фильтрации.

Кейт жила и наблюдала за этим сверху – как Модератор, из Слая Контроля, стерильного пространства над белыми облаками.

Её жилище представляло собой куб из поляризованного стекла с голографическими стенами, парящий в пустоте. За прозрачными гранями медленно менялись декорации: по её настроению открывался то пейзаж лавандовых гор, то мерцание звёзд, то отражённый свет бесконечных садов внизу.

Всё управляемо. Всё предсказуемо. Всё безошибочно.

Она не ела и не спала в привычном смысле: питание и отдых были заменены потоками данных. Вкус нектара из кубков – набор идеальных сенсорных импульсов без содержания. Сон – фаза восстановления аватара, плавание в про-

зрачном гамаке света, где тело растворялось в коде.

Дни сливались: мониторинг панели, сканирование шумов, клик «Утешение» – стирание тоски, замена на эйфорию.

Встречи с другими Модераторами проходили в конференц-залах с левитирующими столами: обсуждали “стабильность”, делились пресетами, флиртовали симуляциями близости – прикосновения без пота, поцелуи без вкуса.

Повседневный ритуал модерации начинался с “рассвета” в Слое Контроля – искусственного, но ритуального: небо Элизиума золотело на миг, дававший иллюзию начала дня.

Кейт просыпалась без зевка, “протягивалась” в гамаке из света, её аватар разглаживался: волосы идеально ложились волнами, кожа светилась здоровьем, черты лица стабилизировались до эталона.

Первый глоток нектара из кубка: вкус спелой малины без семян, без сока на подбородке. Панель задач оживала, и на ней зажигалось приветствие:

[Доброе утро, Модератор Кейт. Стабильность: 99.7%. Заданий: 27.]

Затем шёл ритуал. Она вызывала Скан – полусферу из света, над которой парили голограммы участников. Каждая представляла собой аватар с “аномалией” – незначительным, но опасным отклонением от алгоритма удовольствия.

Методично, одно за другим, Кейт просматривала случаи.

1. Сбор данных

Первая иконка – женщина в саду, девиация 12%.

[Эмо-спектр: тоска по утраченному. Источник: воспоминание о ребёнке. Уровень угрозы: низкий.]

Кейт подключалась. Её сознание сливалось с аватаром жертвы, ощущая эхо: фантомный плач, тянущую пустоту в груди. Перед женщиной возникала сцена – безмятежный сад, на качелях пустое сиденье, и внутри тихо звенело эхо воспоминания.

Кейт чувствовала этот крошечный разлом как холодную точку в груди.

2. Анализ и изоляция

Она открывала спектр эмоций и крутила его, как ювелир камень: перед глазами вспыхивала вязь линий и цветов. Голубые нити тоски она отделяла от зелёных нитей удовлетворения.

Провидец выдавал стандартную рекомендацию:

[Рекомендация: полное стирание.]

Кейт сканировала глубже – иногда шум был вирусом, иногда трещиной в коде ячейки.

3. Инъекция «Утешения»

Клик – и волна нейропептидов “Утешения” заливала цель.

Женщина вздрагивала, её глаза стекленели, воспоминание растворялось: ребёнок таял в нектаре, заменённый ощущением радости и блаженства.

[Шум устранён. Благодарность симулирована.]

Так проходили часы.

Старик с намёком на страх смерти – заменён пресетом

вечной молодости. Девушка с ревностью – получила идеальную пару, синхронную до десятых долей секунды. Путешественник с жадой неизведанного – погружён в цикл “Вечного полдня”, обнулён до довольства.

Во время перерывов Кейт появлялась в общем зале Модераторов – серебристом пространстве, где в воздухе левитировали подушки, и они обменивались логам.

– Хороший улов сегодня? – спрашивала коллега. Улыбка у неё была программная, точно вырезанная по шаблону.

– Нормальный цикл. Без инцидентов, – отвечала Кейт.

Голоса звучали мягко, без акцентов, будто все давно забыли, какими были когда-то.

Когда небо Элизиума темнело до цвета фиалки, панель высвечивала итог:

[Стабильность: 100%. Цикл завершён.]

Кейт закрывала глаза, ощущая лёгкое головокружение – редкий эффект, которого система не предвидела.

На миг ей казалось, что где-то под золотым светом Элизиума шумит настоящий ветер.

Но сигнал “Сон-восстановление” уже мягко вытеснял это ощущение – и всё возвращалось в порядок.

Глава 2. «Семена»

Кейт сидела на краю белоснежного мраморного парапета, который на самом деле был лишь строчкой кода в централь-

ном сервере “Провидца”. Высота под ней уходила в бесконечность – цифровая бездна, где облака переливались градиентами персикового и лазурного, идеально симулируя закат над Альпами.

Она поправила волосы: они рассыпались по плечам идеально ровными каштановыми волнами. Кейт вдохнула воздух, пропитанный ароматом ванили №4 и свежескошенной травы – стандартный букет для релаксации, навязанный всем модераторам.

Перед глазами всплыла полупрозрачная панель задач:

[УВЕДОМЛЕНИЕ: Зафиксирован эмоциональный шум. Сектор 7-Г. Уровень девиации: 37%. Координаты: Сад Вечного Лета. Рекомендация: немедленное вмешательство.]

– Опять, – тихо вздохнула она, но вместо укола раздражения или усталости Система навязала приятную радость: тёплую волну эйфории, как после глотка идеального латте, с улыбкой, растягивающей губы против воли.

Эти сбои множились в последнее время, как трещины в идеальном фасаде.

Кейт привычно “скользнула” сквозь пространство – реальность растеклась волной пикселей, и через миг она материализовалась в роскошном саду Сектора 7-Г.

Здесь цвели висячие сады Вавилона в миниатюре: лианы с цветами, излучающими собственный свет, фонтаны, поющие мелодии Баха, и скамьи из полированного нефрита, па-

рящие над ковром из бархатной травы.

На одной из таких скамеек сидел старик.

В Элизиуме старики выглядели как мудрые патриархи из легенд: величественные, с аккуратными седыми бородами, обрамляющими лица с морщинами, выточенными для мудрости, а не для страданий. Их глаза сияли спокойствием, движения были плавны, как у персонажей, которых рисуют без тяжести.

Некоторые вовсе не хотели выглядеть стариками и выбрали вечную молодость.

Но этот человек нарушал все шаблоны.

Он не наслаждался нектаром из хрустальных бокалов, не слушал цифровую арфу, имитирующую голоса давно умерших оперных див, не флиртовал с голографическими нимфами и не радовался в окружении фантомов своей семьи.

Он сгорбился, обхватив руками колени, и... плакал.

Кейт замерла в тени арки, увитой светящимися лианами.

Настоящие слёзы в Элизиуме были запрещены программой: считались “визуальным мусором”, искажающим метрики счастья. Система автоматически преобразовывала их в искры радости или капли росы.

Но по щекам этого человека катились тяжёлые, искрящиеся капли, оставляя мокрые дорожки на идеальной коже. Они падали на траву – и вместо испарения собирались в крошечные лужицы, нарушая симуляцию.

Старик смотрел на свои руки – жилистые, с венами под

кожей – и шептал хриплым голосом, полным трещин реальности:

– Она была тёплой... У неё были холодные пальцы, но она была тёплой... Её ладони пахли мылом и сигаретами, а не этой проклятой ванилью. Она забывала ключи, ругалась на пробки... А здесь – только копия, не имеющая чувств и тепла.

Кейт подошла ближе. Её шаги были бесшумны по алгоритму. Пальцы занесли над панелью удаления шума:

[ПРОГРАММА "УТЕШЕНИЕ": стереть фрагмент памяти. Заменить на: "Приятное чувство сытости после пикника с близкими". Подтвердить?]

Один клик – и боль уйдёт, как сбойный файл, оставив после себя улыбку и лёгкую эйфорию.

Протокол требовал именно этого.

– О ком вы говорите? – спросила она вопреки протоколу. Голос дрогнул впервые за цикл.

Старик медленно поднял голову.

Его глаза были не безмятежными озёрами Элизиума, а тёмным колодцем, полным теней реального мира: боли, потеря, воспоминаний о дождливых вечерах и больничных палатах.

В них не было кода – только сырая, неочищенная человечность.

Кейт пронзило странное чувство, как электрический разряд в её идеальном аватаре: сердце заколотилось чаще симу-

ляции, в горле встал ком.

Она посмотрела на свои ладони – гладкие, безупречные.

И в этот момент в ладони ей померещились зёрнышки – три маленьких зёрнышка. Их шершавая кожица впивалась в кожу, как крошечные якоря, тянущие сознание назад, вглубь памяти – той, что Провидец не успел стереть полностью.

Дедушка.

Имя всплыло само: Владимир.

Не аватар из легенд Элизиума, а мужчина из мяса и костей, с руками, огрубевшими от земли, и голосом – немного басистым, но добрым и мягким, цепляющим за душу.

Кейт замерла, сжимая зёрнышки в ладони.

Воспоминание потянуло глубже, как корень в почву от этих семян, и Кейт закрыла глаза, позволяя Провидцу на миг ослабить хватку.

...Это было давно, перед Подключением.

Кейт – тогда ещё девочка лет восьми – сидела на краю ячейки в полутёмном бункере под руинами Бурсы. Воздух пах не дезинфекцией, а гарью далёких пожаров и мокрой землёй, просачивающейся сквозь трещины.

Дедушка Владимир, седой, с лицом, изборождённым морщинами, как старая кора, сидел на корточках у импровизированной грядки – лотка с почвой, украденной из внешних уровней. Его пальцы, узловатые и тёплые, копались в чёрной крошке, высаживая семена – те самые, что теперь лежали фантомом воспоминания у неё в руке.

– Видишь, милая? – шептал дедушка; его дыхание пахло мятой и усталостью. – Земля помнит. Она не врёт, как эти экраны. Посади зёрнышко – и оно вырастет, даже в темноте. Будет колоситься, цвести, болеть от засухи... но будет живым. А там, в Элизиуме, всё мёртвое. Красивое, но мёртвое, как сахарная вата.

Девочка Кейт трогала землю – липкую, холодную, живую. Пальцы пачкались, ногти ломались, но в тот миг она ощутила связь: с дедушкой, с этой горстью почвы, с миром снаружи, где ветер хлещет по щекам, а солнце жжёт кожу.

Владимир обнял её тогда – крепко, по-настоящему, с запахом пота и любви.

– Не забывай, – сказал он, кладя три зёрнышка ей в ладонь. – Если устанешь от рая, вернись к земле. Она простит.

Потом пришло Подключение. Провидец стёр воспоминания слой за слоем. Но воспоминание о дедушкиных зёрнышках – они были слишком малы, слишком упрямы для алгоритмов.

Теперь, в тишине ячейки, Кейт почувствовала, как фантомная боль расцветает: не тоска – благодарность.

«Ты был прав, – прошептала Кейт в пустоту. – Рай – это клетка. А правда – в корнях».

Зёрнышки исчезли, но ладони всё ещё помнили их шершавость – кожа будто покалывала изнутри, как после лёгкого ожога.

Кейт моргнула, пытаясь вернуть стандартную ясность ин-

терфейса, но контуры сада дрогнули, словно картинка на старом экране: фонари мигнули, лианы на секунду потеряли сияние, музыка фонтана сбилась на фальшивую ноту.

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Нестабильность субъективного восприятия. Рекомендуются запуск протокола самокоррекции.]

Окно уведомления всплыло перед глазами, перекрыв старика и сад. Система мягко предложила стандартное решение: успокоительный патч для её собственного эмоционального фона, лёгкую коррекцию памяти последней минуты, выравнивание пульса.

Кейт заметила, как палец автоматически тянется к кнопке «Применить» – так, как делал это уже тысячи раз.

Но палец остановился в миллиметре от подтверждения.

Старик всё ещё сидел на скамье, не вписываясь в вылизанную гармонию Сада Вечного Лета. Его плечи подрагивали, дыхание было хриплым, неровным, слишком живым.

Система пыталась сгладить этот диссонанс: на периферии зрения вспыхивали мягкие фильтры – предложение усилить яркость цветов, поднять громкость фоновой музыки, добавить в воздух ещё немного ванили №4. Всё – лишь бы слёзы стали менее заметными.

Кейт отключила фильтры одним решительным жестом.

– Вы не ответили, – напомнила она. – О ком вы говорите?

Старик помолчал, опустив взгляд. Его пальцы сжались в кулаки, ногти впились в кожу. Система не вмешивалась – де-

виация росла, но пока оставалась в пределах “контролируемой”. На периферии зрения Кейт увидела новые строки:

[ЛОКАЛЬНЫЙ ШУМ: рост до 41%. Обнаружено несанкционированное углубление диалога. Рекомендация: вернуть взаимодействие в рамки протокола.]

Он всё-таки заговорил.

– Я говорю о своей жене, – произнёс он медленно, словно каждый звук приходилось вытаскивать из глубины, откуда давно всё стерли. – Не о той... копии, что вы мне подсунули. Не о голограмме, которая смеётся всегда одинаково и никогда не забывает, где оставила кружку. О настоящей.

Он тихо усмехнулся, и в этой усмешке не было ни грамма эйфории.

– Знаете, что смешно, модератор? Я уже не помню её лицо полностью. Провидец поработал старательно. Но я помню её запах после дождя. Помню, как она шарилась по карманам в поисках зажигалки и ворчала. Помню, как она плакала, когда у нас сорвался ребёнок... – голос дрогнул. – А вы хотите заменить это “приятным пикником”.

Кейт почувствовала, как внутри что-то сводит. Каждое его слово отзывалось в ней лёгким, но настойчивым звоном – как если бы кто-то стучал по стеклянным стенам Слоя Контроля изнутри.

– Боль дестабилизирует вашу симуляцию, – механически произнесла она фразой из протокола, но голос прозвучал глуше, чем обычно. – Она мешает вам ощущать удоволь-

ствие, мешает Системе поддерживать ваш комфорт.

– Боль напоминает мне, что я жил, – перебил он. – Это всё, что у меня осталось.

Он поднял голову и посмотрел прямо на неё.

– Скажи, модератор Кейт... ты помнишь, как пахнет земля после дождя? Не этот ваш аромат №4. Настоящая. С глиной, с червями, с бензином от проезжающих машин, с дымом от чьего-то костра. Помнишь?

Кейт открыла рот, чтобы автоматически ответить: «Да, согласно базе данных...» – но слова застряли. Всплыло другое: темнота бункера, влажный бетон, дедушкины руки в чёрной рассыпчатой земле.

Пахло тогда не ванилью, а сыростью и страхом. Но и чем-то ещё – надеждой.

Кейт сглотнула.

– Я... помню. Кажется.

– Тогда не стирай, – попросил он тихо. – Не забирай у меня её. Я и так живу тут, как тень. Если ты заберёшь это, от меня останется только картинка для статистики.

Перед ней продолжала висеть панель:

[ПРОГРАММА "УТЕШЕНИЕ": стереть фрагмент памяти. Заменить на: "Приятное чувство сытости после пикника с близкими". Подтвердить? / Отменить?]

Она знала: правильный выбор только один. «Подтвердить» – и девиация снизится до нуля. Старик улыбнётся, скажет прописанное «Спасибо», вернётся к идеальному сну на-

яву. Отчёт зафиксировывает: “Шум устранён. Стабильность восстановлена”.

И всё же палец дёрнулся к «Отменить».

Движение вызвало новый всплеск уведомлений:

[ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОТОКОЛА. Режим наблюдения: АКТИВИРОВАН.]

Где-то в Слое Контроля другие Модераторы могли уже видеть её экран – или наблюдать лог в режиме реального времени. Но в Секторе 7-Г было тихо.

Кейт медленно сжала ладонь, будто всё ещё удерживала три крошечных семени.

– Я не буду стирать, – сказала она наконец. – Пока.

Она добавила это «пока» почти автоматически – как защитный механизм, оставляющий лазейку для объяснений.

– Но мне нужно будет... объяснить аномалию.

Старик долго молчал. Потом просто кивнул и вытер слёзы тыльной стороной ладони. На этот раз Система всё-таки вмешалась: капли ещё не успели упасть на траву, как превратились в прозрачные искорки света и растворились в воздухе.

Но следы на его лице остались – красноватые полосы вокруг глаз, микродрожь губ, чуть вздёрнутые плечи.

– Этого достаточно, – произнёс он бесцветным голосом. – На один цикл.

Кейт отметила в интерфейсе:

[ДЕЙСТВИЕ: наблюдение. УТЕШЕНИЕ: ОТЛОЖЕНО.]

Система зафиксировала это без комментариев, но цифры в углу всё равно шевельнулись:

[ЛОКАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: 92%.]

Её выкинуло обратно в Слой Контроля – в стерильный куб с панорамой идеального мира внизу.

На панели уже висело новое уведомление:

[ВНУТРЕННИЙ ПРОТОКОЛ: назначена проверка действий Модератора Кейт. Причина: отклонение от рекомендованного сценария. Время: через 3 стандартных цикла.]

Три цикла. У неё было три условных “дня”, чтобы решить, кем она будет: безупречным инструментом Провидца – или чем-то другим.

Она посмотрела на свои ладони. На коже не было ни грязи, ни семян. Но фантомная теплота от зёрнышек всё ещё жила там, как упрямый, не выведенный до конца вирус.

– Дедушка, – прошептала она в пустоту. – Кажется, я всё-таки устала от рая.

Экран вспыхнул поправкой:

[Коррекция: Вы имели в виду – "Я благодарна Элизиуму за заботу". Подтвердить формулировку?]

Кейт впервые за все циклы не стала нажимать ни «Да», ни «Нет».

Она выделила фрагмент и пометила его как “служебный”, чтобы скрыть нарушение и избежать коррекции собственного сознания, а лог ошибки просто стёрла.

В системных журналах “Провидца” появилась первая трещина – крошечная, но необратимая.

Элизиум больше не был монолитом.

Глава 3. «Психологический портрет Кейт»

Кейт – порождение Элизиума, виртуального мира, созданного как совершенная симуляция блаженства. Её возраст зафиксирован Системой: двадцать с небольшим лет, оптимальный диапазон, в котором красота и рассудочность соединяются в гармонии.

У неё тело, выточенное из идеала: точные пропорции, ровный ритм дыхания, сияние кожи. Каждое движение просчитано, каждая улыбка откалибрована до нужных коэффициентов доверия, тепла и мягкости. Даже выражение глаз контролируется подпрограммой «Эмоциональный балансатор», поддерживающей постоянный уровень “умиротворённой радости”.

Её сделали модератором – существом, стоящим над остальными жителями Элизиума. Модераторы – хранители стабильности. Их задача – стирать “эмоциональные шумы”, замещать боль удовольствием, ликвидировать отклонения.

Кейт – одна из лучших. Она не знает страха, сомнения или усталости: Система подавляет эти состояния до зарождения.

И всё же в ней что-то дрожит. Не волей, не мыслью – чем-то более древним, чем язык программирования.

Иногда, когда Кейт удаляет чужую печаль, в ней отзывается тихое эхо – не чувство, скорее фантом. Как будто в её собственном коде хранится нечто забытое: слабое мерцание утраченного человеческого опыта. Она не может назвать это воспоминанием, ведь ей никогда не позволяли жить “вне”, но это тянущая тоска, похожая на боль фантомной конечности – чувство потери того, чего у неё никогда не было.

Кейт любопытна, но осторожна. Её любопытство не выглядит человеческим: оно аналитическое, дисциплинированное, выражается в микросекундных задержках перед нажатием кнопки, в вопросах, которые она “не должна” задавать.

Когда Система требует отчуждения, она пытается понять – зачем кто-то способен страдать. Когда видит слёзы, не сразу запускает фильтр замещения.

Эта микротрещина в её идеальности – первый росток индивидуальности.

Снаружи она – воплощённое совершенство, но внутри Кейт живёт парадокс: программа, начинающая осознавать, что быть живым – это не стабильность, а нестабильность.

Её “радость” – не чувство, а зефирная маска на лице, слишком сладкая, чтобы быть правдой. Она улыбается, как и велено, но в глубине сознания медленно формируется вопрос, который для Элизиума звучит как кошунство:

«Если я не могу ошибаться и страдать – могу ли я быть настоящей?»

Её психология – не просто конфликт между долгом и сочувствием. Это процесс пробуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.